

слышал (ἤκουσα) о «хионах» прежде; значит, сам он с ними прежде не сталкивался. Слышал же он, по всей видимости, о том самом деле с солунским «хионием», о котором благодаря сохранившемуся акту знаем и мы.

5. Диспут

Палама согласился на диспут, желая ознакомить с христианством турок, но не спорить с еврействующими («Мое же слово сейчас не к евреям»). И он объяснил, что намерен лишь дать возможность эмиру Урхану, как «человеку, имеющему в своей власти многие народы, быть правдиво осведомленным о многих учениях». Незадолго перед этим митрополит беседовал с внуком Урхана, любознательным юношей Измаилом; хотя того скоро спугнул дождик, Палама мог успеть понять, что даже образованные турки имеют о христианстве превратное представление.⁷²

Метод, которым Палама воспользовался как основным для разъяснения основ христианства, — аналогия. То, что требовалось показать, он сопоставлял с самоочевидно-ясными соотношениями и явлениями — то более широкими, общими, то того же плана, то более узкими. При этом он много черпал из «Точного изложения православной веры» Иоанна Дамаскина. Оттуда заимствовано, например, «силлогическое» (συλλογιστικῆ) доказательство о наличии у бога Слова и Духа:⁷³ самоочевидно, что безначальный и неизменный бог, творец всего изменчивого сущего, не может быть бессмысленным; равным образом само собой ясно, что премудрость (в широком смысле) не обретается вне слова; следовательно, бог, обладая премудростью, обладает и словом, т. е. «безначально и слово божие». Но «слово не проявляется никогда также без духа». Из этого правила следует вывод о собезначальности богу Духа. В сумме эти две дедукции подводят турок к парадоксальному для мусульман христианскому догмату о троичности единого божества: «Следовательно, Одно — трое, и Трое — одно». К тому же результату Палама подводит их и от конкретного примера: люди, называя солнцем и сам солнечный круг, и испускаемое им сияние, и его лучи, имеют в виду не три солнца, но одно...

Аналогия — излюбленный метод богословствования караимов начиная с Анана бен Давида,⁷⁴ общий у них, впрочем, с мусульманами. Палама, кажется, принимал это в расчет.

Логику Палама дополнял экзегетикой, толкованием Священного писания, «введаясь» (в стиле караимского богословия) в самую букву Ветхого завета. Так, в качестве лишнего доказательства троичности божества он привел выражение книги Второзакония (гл. 6, ст. 4 — «господь бог наш господь един есть»): Моисей это сказал, «трижды назвав Одного, ибо дважды сказал „господь“ и один раз „бог“, чтобы показать, что Трое — одно, и Одно — трое...»

Любопытно, что врач Таронит пишет не только о том, что сказал, но и о том, что хотел сказать, но не сказал Палама, потому что его преврали: «Митрополит Фессалоникийский хотел присовокупить и другие пророческие свидетельства и особенно те, благодаря которым открывается, что обновление человека и всего мира бог осуществляет своим

⁷² См.: G. G. Arnakis. Gregory Palamas among the Turks..., p. 110; J. Meyendorff. Introduction à l'étude..., p. 159.

⁷³ Ср.: Полное собрание творений Иоанна Дамаскина, т. I. СПб., 1913, стр. 163—165.

⁷⁴ См.: L. Nemoу. Karaite Anthology, p. 8—9.